

ГЕОРГИЙ
ДАНЕЛИЯ

БЕЗБИЛЕТНЫЙ
ПАССАЖИР

ГЕОРГИЙ
ДАНЕЛИЯ

**БЕЗБИЛЕТНЫЙ
ПАССАЖИР**



маленькие истории, байки кинорежиссера



Москва
2017

УДК 794.44.071.1(470)
ББК 85.374(2)
Д17

Оформление *А. Новикова*

Рисунки *Г. Данелия*

На 1-й сторонке переплета — «Автопортрет» *Г. Данелия*

На 4-й сторонке переплета — фото *Ю. Роста*

Дизайн переплета *А. Саукова*

Во внутреннем оформлении использованы фотографии
из личного архива автора, кадры из фильмов:

- «Незабываемый 1919-й год», реж. М. Чиаурели © Киноконцерн «Мосфильм», 1951 г.;
- «Мексиканец», реж. В. Каплуновский © Киноконцерн «Мосфильм», 1955 г.;
- «Сережа», реж. Г. Данелия, И. Таланкин © Киноконцерн «Мосфильм», 1960 г.;
- «Путь к причалу», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1962 г.;
- «Я шагаю по Москве», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1964 г.;
- «Тридцать три», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1965 г.;
- «Не горюй!», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1969 г.;
- «Совсем пропащий», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1973 г.;
- «Мимино», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1977 г.;
- «Осенний марафон», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1979 г.;
- «Слезы капали», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1982 г.;
- «Кин-дза-дза!», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1986 г.

В книге использованы цитаты из книги Марка Твена
«Приключения Гекльберри Финна» в переводе *Н. Л. Дарузес*
и Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»
в переводе *Норы Галь*

Данелия, Георгий Николаевич.

Д17 Безбилетный пассажир : маленькие истории, байки
кинорежиссера / Георгий Данелия. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 416 с. : ил. — (Жизнеописания
знаменитых людей.

ISBN 978-5-699-53983-3

Георгий Данелия, постановщик таких, как теперь говорят,
«культовых» фильмов, как «Сережа», «Я шагаю по Москве»,
«Тридцать три», «Не горюй!», «Мимино», «Афоня», «Осенний
марафон», «Кин-дза-дза!» — всех не перечислить, — впервые на-
писал книгу. Он рассказывает нам маленькие истории, то очень
смешные, то с тенью грусти — так похожие на его фильмы.

УДК 794.44.071.1(470)
ББК 85.374(2)

© Данелия Г. Н., 2017

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)

ISBN 978-5-699-53983-3

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Моим друзьям Лоре и Тонино Гуэрра

Предупреждение

Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица, которые попытаются найти в нем мораль, будут сосланы; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны

*Марк Твен.
«Приключения Гекльберри Финна»*

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Когда я сдавал фильм «Не горюй!» художественному совету «Мосфильма», мне велели написать, что действие происходит в прошлом веке, а не сейчас.

— Зачем? Это и так видно.

— Для заграницы. Там не поймут.

Писать такой титр не хотелось, и я уговорил Михаила Ильича Ромма, голос которого очень любил, сказать это за кадром.

«Было это в конце прошлого столетия в солнечном черепичном городке. А может, этого и не было... Нет, пожалуй, все-таки, было», — звучит теперь в начале фильма голос моего учителя.

Вот и об этих записках мне хочется сказать примерно так же: то, что написано в этой книге, было со мной в прошлом столетии. А может, этого и не было...

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

— Надо отдать его во ВГИК, — сказал отец, когда я окончил школу.

— Почему во ВГИК? — спросила мама.

— А куда его, дурака, еще девать?

Отец мой, метростроевец, считал работу в кино несерьезным занятием и предложил ВГИК, как крайний вариант.

— Там хотя бы блат есть, — добавил он.

Блат действительно был. Мама работала на «Мосфильме» вторым режиссером и знала многих мастеров ВГИКа, а муж ее сестры, знаменитой актрисы Верико Анджaparидзе, кинорежиссер Михаил Чиаурели снимал фильмы о Сталине и был тогда одним из самых влиятельных деятелей кино. Но поступать во ВГИК я отказался — блат был чересчур явным. И к тому же никакой тяги к режиссуре у меня не было — как, впрочем, и ни к чему другому. Кроме джаза. О джазе расскажу потом.

— Но в какой-нибудь институт поступать надо обязательно, — сказала мама. — А то тебя в армию заберут.

В армию мне не хотелось. Мой приятель Женя Матвеев собирался в архитектурный, и я решил идти с ним — за компанию.

ЦВЕТOK НА ОКНЕ

В Московском архитектурном я учился без особых провалов и достижений. Но рад, что окончил Архитектурный — мне там было интересно. Лекции читали замечательные профессора, и было много симпатичных, талантливых ребят.

В нашей группе было два мастера — Юрий Николаевич Шевердяев и Михаил Федорович Оленев. Шевердяев — элегантный, спортивный, ведущий архитектор (по его проекту построен кинотеатр «Пушкинский»,

где прошли все премьеры моих фильмов) — был очень занят и появлялся у нас нечасто. А Оленев — скромный, похожий на сельского учителя — был все время с нами.

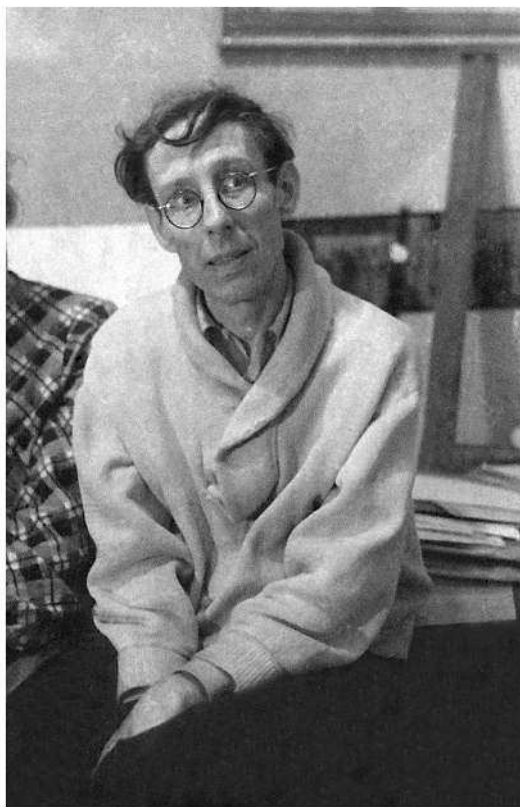
Михаил Федорович Оленев был очень болен, и мы старались не задерживать его долго у своих подрамников, чтобы он не уставал. Но он все равно каждый раз засиживался с нами допоздна — увлекался. Он накладывал на чертеж кальку, брал свой любимый мягкий цанговый карандаш «Koh-I-Noor 6B», думал, а потом по кальке правил проект... А потом рисовал возле здания для масштаба что-нибудь забавное: бородатого старика на самокате, пожарника на качелях, афишную тумбу, на которую задрала ногу собачка... Мне, когда я проектировал южный вокзал, он нарисовал шарманщика на перроне, а в небе — глазастый вертолет, с которого прыгнул парашютист в железнодорожной форме...

...Михаил Федорович умер. Гроб стоял в институте, в большой пустой комнате. Ночью мы с моими друзьями Олегом Жагаром и Димой Жабицким, как это положено, дежурили у гроба. На стене висела картина Михаила Федоровича: открытое окно, на подоконнике глиняный горшок, в горшке — цветок, за окном ровное небо. Все скупо и просто... Но там, за окном, было столько воздуха и столько радости, что я заплакал.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

После Архитектурного по распределению я попал в ГИПРОГОР (Институт проектирования городов), в мастерскую перспективной планировки. Мы решали, как должны развиваться города страны в течение ближайших двадцати пяти лет. Но пока мы в Москве чертили — они на месте строили. Мы не знали, что они строят — а им плевать было на то, что мы чертим.

Поначалу я был полон энтузиазма, засиживался на



Михаил Федорович Оленов.

работе по вечерам, и порученную мне работу выполнил на месяц раньше срока. Ожидая похвалы, представил чертеж главному архитектору. Тот взял черный карандаш и начал чиркать прямо по чертежу: «Тут надо так. А это надо вот так». Мог бы хоть кальку подложить... Стереть его чертов карандаш мне не удалось, и пришлось чертить все заново. Через неделю принес со всеми исправлениями, а он опять чиркает: «Здесь надо так. А здесь — так...»

Снова переделываю — опять не то.

В курилке мне объяснили:

— Когда срок сдачи?

— Пятнадцатого.

— Сдай проект тринадцатого, и все получают премию. А будем сдавать за месяц до срока, на месяц сократят сроки. Понял?

Я понял.

Приходил на работу к девяти, отмечался и шел курить. Потом — в мастерскую, что-то чертил для приличия (под бесконечный рассказ чертежницы Зины о подлостях соседки Люси) и шел курить. Потом играл в морской бой с экономистом Маргулисом (под рассказ Зины о Люсе), слонялся по мастерской, потом еще чуть-чуть чертил (под Зину о Люсе)... И шел курить.

*Между прочим. Ставлю в известность:
здесь и далее имена и фамилии действующих лиц не всегда достоверные.*

И так до без четверти час. Ровно без четверти приходил Олег Жагар, который работал в соседней мастерской. Мы съедали бутерброды, запивали чаем и ровно в час — за проходную. Гулять.

В тот судьбоносный день идем, гуляем — видим:

под забором лежит пьяный. Нестандартный: в макинтоше, берете, очках и галстук. И при часах. Могли бы и мимо пройти, но — не прошли.

— Надо разбудить, — решил Олег, — разденут этого интеллигента. Эй, коллега!

Интеллигент открыл глаза, сел, огляделся, соображая, где он, и тупо уставился на нас.

— Домой иди, пока в вытрезвитель не забрали, — предложил Олег.

— Я не пьян, — прохрипел интеллигент, — я отдыхаю.

Он вытащил из кармана скомканную газету, расправил ее, снова лег и сделал вид, что читает.

Если бы тогда этот тип не попался нам на глаза, может быть, моя жизнь на следующие полвека сложилась бы иначе. Не было бы бесконечных бессонных ночей и сердечных приступов, не выкуривал бы три пачки сигарет в день, не увидел бы полярное сияние в Арктике и миражи в Каракумах, внуки не хвастались бы тем, что они мои внуки, композитор Гия Канчели не подарил бы мне заграничную курточку из чистого хлопка и не писал бы я сейчас эту дурацкую книгу.

Дело в том, что пьяный читал «Советскую культуру», а там был заголовок: «Мосфильм» объявляет набор на режиссерские курсы».

Я купил газету и узнал, что при «Мосфильме» решили организовать высшие режиссерские курсы. На эти курсы будут принимать людей смежных профессий — художников, писателей, театральных режиссеров, музыкантов... и архитекторов. Стипендия — сто тридцать рублей! А у меня в ГИПРОГОРе зарплата — девяносто.

— Ну какой из тебя режиссер? — рассуждала вечером мама. — Ты же видел режиссеров. Знаешь, какие они.

Режиссеров я видел, и очень многих. До войны мы жили в бараке в Уланском переулке. Жили роскошно: у нас была большая комната (21 кв.м.) и отдельный вход. Когда из Тбилиси приезжали Верико и Чиаурели, они привозили вино, всякую снедь и звали к нам своих гостей. Мама готовила вкусную грузинскую еду, и у нас побывали и Эйзенштейн, и Пудовкин, и Довженко, и Рошаль, и многие другие классики. Все они были яркие, колоритные личности и излагали свои мысли образно, красиво и очень складно.

Когда мне было лет пять, мамина подруга Аллочка на ночь вместо сказок рассказывала мне историю Римской империи. Когда мы добрались до Цицерона, я представлял его себе в виде Григория Львовича Рошалья (Рошаль у нас бывал чаще других) — в берете, очках, при бабочке, но в тоге.

Мама была права — мне до Цицерона далеко. Я до сих пор даже короткий тост складно произнести не могу. А еще грузин.

Я объяснил маме, что не собираюсь быть режиссером-постановщиком. Хочу стать вторым режиссером, как она, и не хочу до гробовой доски слушать про Зинину соседку Люсю. И что стипендия на курсах сто тридцать рублей.

— Давай попробуем, — согласилась мама. — Но сейчас это будет очень сложно.

Времена изменились. Чиаурели за пропаганду культуры личности услали в Свердловск. Директором «Мосфильма» стал такой же любимец Сталина, лауреат шести сталинских премий Иван Пырьев. Если Пырьев узнает, что я племянник ненавистного конкурента Чиаурели, то он меня и близко к курсам не подпустит. Так что чем меньше людей будет знать, что Георгий Данелия — сын Мери Анджапаридзе, тем лучше.

Мама позвонила кинорежиссеру Михаилу Калато-



*Я и мои сокурсники. 1949 год.
Справа налево: Жагар, Жабицкий, я,
Сорокина, Лебедев, Алексеев.*

зову, которого знала еще по Тбилиси, сказала, что сын собирается поступать на режиссерские курсы, и попросила посмотреть, есть ли у него какие-нибудь шансы.

На следующий день в курилке Олег Жагар меня консультировал. В отличие от мамы он мое решение сразу одобрил:

— Раз в башке щелкнуло, то валяй. Чтобы потом не жалеть.

Жагар, фронтовик-разведчик, на десять лет старше меня, был эрудированным и умным человеком, и я с ним считался.

— Давай подумаем, что Калатозову говорить... Он обязательно спросит, почему ты решил поменять профессию? А ты?

— Скажу: потому что здесь тоска зеленая.

— Ни в коем случае! Говори, что с детства мечтаешь быть кинорежиссером, что это твое призвание. Что любишь литературу, музыку, живопись, театр, а кино — искусство синтетическое и все это аккумулирует. Ну, живопись и литературу ты более или менее знаешь... Как с музыкой?

— Не ахти... Мелодии помню, могу даже напеть, но что чье...

— А ты там не пой. Говори, что твой любимый композитор Бетховен, «Героическая симфония». «Героическая» — верняк. Ну, и Прокофьев. Да, а в литературе не забудь «Не хлебом единым» Дудинцева. Сейчас это модно.

...В субботу я пошел к Калатозову. Михаил Константинович — высокий вальяжный шестидесятилетний грузин с бархатными карими глазами — усадил меня в кресло, сам сел напротив.

— Решили поменять профессию? Зачем? Архитектор — замечательная специальность.



*Вот он, этот цыганский хор.
Цыганка – Жемс Жабицкий, цыган – я.*